

И. И. БЕЦКОЙ В 1704–1756 гг.

И. И. Бецкому (1704–1795) принадлежала главная роль в организации воспитательных домов в России во второй половине XVIII в. Деятельность этого сподвижника Екатерины II вот уже два столетия привлекает внимание ученых. Петербургский историк начала XX в. А. С. Лаппо-Данилевский в пространной рецензии на работу П. М. Майкова «Иван Иванович Бецкой. Опыт его биографии»¹ отметил, что автор мало остановился на выяснении индивидуальности героя². Действительно, П. М. Майков, приводя факты, часто воздерживался от собственных оценок. Впрочем, исследователи неизбежно обнаруживали, что для изложения биографии и оценки личности И. И. Бецкого, в отличие от его деятельности, историк располагает весьма ограниченной источниковой базой. Многие сведения о нем туманны, неточны, окружены таинственностью и даже имеют легендарный характер. Скудость информации личного характера неудивительна для исторического персонажа, жившего в XVIII в., однако в случае с И. И. Бецким приходится признать, что он сам способствовал появлению некоторых тайн и легенд. Думается, закрытость, окружавшую личную жизнь, и следует назвать одной из главных его индивидуальных черт. Возможно, эта особенность сформировалась еще в ранние годы и была связана с происхождением известного деятеля екатерининского Просвещения.

В исторической науке почти нет сомнений в том, что И. И. Бецкой был побочным сыном кн. И. Ю. Трубецкого и появился на свет во время шведского плена отца: князь, в браке сыновей не имевший, заботливо опекал И. И. Бецкого, дарил ему имения. И. И. Бецкой находился в нежных дружеских отношениях со сводной сестрой Анастасией Ивановной (по первому мужу кн. Кантемир, по второму — принцессой Гессен-Гомбургской) и ее дочерью Екатериной Дмитриевной (по мужу кн. Голицыной). Между тем П. М. Майков, приложивший много усилий для выяснения вопроса о матери И. И. Бецкого, пришел к выводу, что ее имя и происхождение остаются неизвестными³.

Интересную гипотезу о происхождении матери И. И. Бецкого выдвинул московский историк начала XX в. А. А. Кизеветтер, автор еще одной обстоятельной рецензии на книгу П. М. Майкова. Он напомнил, что после битвы под Нарвой Карл XII воевал в Польше, и материю И. И. Бецкого вполне могла быть представительница польской шляхты, оказавшаяся, как и князь И. Ю. Трубецкой, в шведском плену⁴. В обоснование своей версии историк привел опубликованную в приложениях к монографии П. М. Майкова «сказку», в которой молодой И. И. Бецкой, не склонный к вранью, в 1726 г. именуется себя «шляхтичем польским». «Родственники мои служат и ныне в короне польской», — утверждает он. Кстати, честность и прямоту, насколько, конечно, честным и искренним может быть придворный, следует назвать еще одной чертой, присущей И. И. Бецкому.

Известно, что в зрелые годы И. И. Бецкой был высокообразованным человеком, но сведения о том, где и какое образование он получил, также крайне скудны. От него самого мы узнаем, что он учился в кадетском корпусе в Копенгагене, а в 1722 г. «был для науки во Франции в городе Париже»⁵. «Он был воспитан с презрительным учением», — отмечал в 1750 г. его современник В. А. Нащокин⁶. Правда, П. М. Майков не обнаружил имени И. И. Бецкого в списках учеников копенгагенского сухопутного военного училища, а списки учащихся морского училища не сохранились, но, думается, нет смысла не доверять случайному упоминанию об учебе в Копенгагене. В «Рассуждениях, служащих к новому установлению Шляхетского кадетского корпуса», адресованных Екатерине, И. И. Бецкой со ссылкой на личный пример заявлял о необходимости введения в корпусе караулов с обязательным участием кадетов: «Я сие пишу не с воображения, но испытываю самым делом, на 12 году своего возраста, будучи кадетом, исполнял как я, так и товарищи»⁷.

Согласно упомянутой «сказке», в 1722 г. И. И. Бецкой был принят на службу в российское посольство в Париже и стал секретарем посла кн. В. Л. Долгорукова, а не позднее 1726 г. «по требованию <...> генерал-аншефа кн. И. Ю. Трубецкого прислан в Киев от помянутого посла с письмом для отправления нужнейших секретных дел и корреспонденции Его сиятельства на французском и немецком языках». Так начался период службы нашего героя при отце, продолжавшийся около 15 лет. Вскоре переехав с отцом, получившим чин фельдмаршала, в Москву, И. И. Бецкой, не особенно напрягаясь (И. Ю. Трубецкой фактически находился на по-

кое), его хлопотами дослужился до звания генерал-адъютанта и получил чин полковника. Документы свидетельствуют, что он участвовал в крупнейших исторических событиях своего времени, но находился на их периферии (в 1731 г. в числе 165 гвардейцев и других дворян подписал челобитную о принятии императрицей Анной самодержавия, в 1741 — был курьером и передавал приказания Елизаветы Петровны другим лицам).

В феврале 1739 г. после торжественного бракосочетания сводной сестры вдовы А. И. Кантемир с принцем Гессен-Гомбургским И. И. Бецкой сопровождал новобрачных в их поездке к родителям принца. В ходе путешествия компания посетила разные районы Германии и поздней осенью того же года через Лейпциг, Дрезден и Берлин вернулась в Россию, едва не погибнув в одном из районов Померании во время снежной бури.

Сомнительное происхождение и незначительные заслуги И. И. Бецкого перед новой императрицей привели к тому, что гр. А. П. Бестужев-Рюмин был неприятно удивлен, когда императрица сделала этого дворянина камергером двора наследника престола. П. М. Майков объяснял это назначение дружбой Елизаветы со своей статс-дамой принцессой А. И. Гессен-Гомбургской, а также, вероятно, и желанием императрицы угодить престарелому генерал-фельдмаршалу И. Ю. Трубецкому⁸. Не случайно в характеристике И. И. Бецкого, датированной В. А. Нащокиным 1750 г., говорится, что его сын «дошел, по знатности отца своего, не имея в службе никаких знатных оказий, до немалого чина генерал-майора»⁹. Новая должность сыграла важную роль в судьбе И. И. Бецкого. Он близко познакомился с наследником, стал свидетелем приезда в Россию его невесты, будущей императрицы Екатерины Великой, и скоро превратился в ее «старого знакомого», узнал тех, кто позднее станет его сотрудниками. Именно в эти годы он сблизился с матерью Екатерины, герцогиней Иоганной-Елизаветой и, вероятно, имел роман с ней. Во всяком случае, Екатерина во всех собранных издателями редакциях «Записок» настойчиво повторяла, что за время ее длительной и тяжелой болезни мать «возымела доверие к Бецкому, который сблизил ее с принцем и принцессой Гессен-Гомбургскими», что и вызвало, по ее словам, «очень большую перемену» при дворе, которую невеста наследника обнаружила после выздоровления. «Раньше говорили только о праздниках, увеселениях, удовольствиях, — вспоминала она, — и теперь — лишь о распрях, спорах, партиях и вражде». Будущая императрица заметила, что «это сближение не понравилось многим, а особенно Лестоку и обер-гофмаршалу великого князя Брюммеру, который вызвал мою мать в Россию, но еще более графине Румянцевой, вредившей моей матери в глазах императрицы. Ссору раздувал тогда повсюду граф Бестужев, применявший правило — разделять, чтобы повелевать». Политичная София-Августа-Фредерика понимала, что «столь близкая связь» не нравится императрице, и, оказывая матери и ее компании «всякого рода вежливость», держалась «в стороне от этого слишком интимного круга»¹⁰. Независимо от причин неприязни канцлера А. П. Бестужева-Рюмина к герцогине Иоганне-Елизавете, в анализ которых нет смысла углубляться в данной статье, «Записки» Екатерины, как и другие источники, свидетельствуют, что И. И. Бецкой, сблизившись с ее матерью, вместе с сестрой, зятем и племянницей оказался в центре придворных интриг, за что и поплатился. После высылки герцогини за границу И. И. Бецкой усилиями А. П. Бестужева-Рюмина в 1747 г. был уволен от двора наследника с повышением в чине «по прошению за умножившимися болезнями и слабостью здоровья». Неизвестно, где и как провел И. И. Бецкой конец 1740 — начало 1750-х гг. А. А. Кизеветтер утверждал, что на «все остальное царствование Елизаветы, с 1747 по 1762 г., И. И. Бецкой покинул Россию. Однако П. М. Майков нашел подтверждения того, что летом 1753 и в начале 1754 г. И. И. Бецкой вместе с семьей сестры находился в Москве. А. И. Гессен-Гомбургская, по его сведениям, скончалась в Петербурге 2 декабря 1755 г. Надо думать, что ее любящий брат в эти дни тоже был в столице. Смерть сестры потрясла его, и в августе 1756 г., получив разрешение выехать «на год к теплым водам», И. И. Бецкой и Д. М. Голицын с женой отправились за границу¹¹. Перед отъездом супруги Голицыны и И. И. Бецкой навестили в Ораниенбауме великокняжескую чету. В «Записках» Екатерина отмечала: «Они ехали за границу для поправления здоровья, в чем особенно нуждался Бецкой, которому надо было рассеяться после тяжелого горя, тяготившего его со времени кончины принцессы Гессен-Гомбургской». Великая княгиня, по собственным словам, постаралась как можно лучше принять старых знакомых, они много гуляли, а затем Екатерина Алексеевна повезла кн. Голицыну кататься в кабриолете. Во время этой прогулки Е. Д. Голицына завела неприятный для Екатерины разговор о С. Поня-

товском, в результате чего, видимо, и заслужила от будущей императрицы нелестную характеристику («личность довольно странная и очень ограниченная»)¹².

Очевидно, дружеская или любовная связь с герцогиней Ангальт-Цербстской в 1740-х гг. стала основой для поздней легенды о том, что И. И. Бецкой был отцом Екатерины. Впрочем, еще такой дотошный исследователь, как П. М. Майков, заявлял: сведений о том, что в 1728 г. И. И. Бецкой выезжал за границу, не сохранилось. Более того, ряд источников подтверждает, что в это время он находился в России¹³. Остальные аргументы: утверждения, что Екатерина была похожа на И. И. Бецкого (на герцога Ангальт-Цербстского, она, кажется, была похожа не меньше), рассказы об особом отношении Екатерины к И. И. Бецкому, сохранившиеся в семье потомков П. А. Демидова¹⁴, — не выглядят убедительными. Думается, повторяю, что это всего лишь легенда.

С многолетним пребыванием И. И. Бецкого за границей в середине XVIII в. историческая наука связывает процесс формирования его просветительских педагогических взглядов и благотворительных идей, ссылаясь на упоминания о виденном путешественником в Европе в различных его проектах. Думается, однако, что трудно составить представление о столь закрытом человеке на основании того, что он сам о себе говорил. И. И. Бецкому в 1747 г. было 43, а в 1760–1761 — уже 56–57 лет, он был цельной личностью, и его характер и стремления уже явно определились. В связи с этим кажется невероятным, чтобы он не знал, к примеру, о том, в каком состоянии находилось дело призрения сирот и подкидышей в России в первой половине XVIII в. Будучи чрезвычайно любознательным в Европе, едва ли он был «ленивым и любопытным» на родине относительно тех вопросов, которые его интересовали. Призрение «несчастнорожденных» детей, по определению, несомненно, было одной из волновавших его проблем. Почему же тогда о русской традиции не упоминается в «Генеральном плане» воспитательного дома? Возможно, в том числе, и потому, что сложившиеся к этому времени в России способы и формы призрения потерпели к середине столетия крах, почти прекратили свое существование и не вполне соответствовали идеям Просвещения.

Итак, попробуем выяснить, мог ли знать И. И. Бецкой о способах призрения сирот и подкидышей в России и что именно мог он узнать? Интересен также и вопрос о том, кто из соотечественников имел возможность повлиять на формирование взглядов будущего реформатора или разделять их.

Начнем с того, что родившийся в 1704 г. И. И. Бецкой был младшим современником Петра I. У нас нет достоверных сведений о том, что в годы петровского царствования он бывал в России, но члены его семьи, с которыми его связывали многолетние теплые отношения, отец кн. И. Ю. Трубецкой, его жена и дочь Анастасия Ивановна знали императора лично, встречались с ним и были в курсе его преобразований. Благоприятный рассказ о А. И. Трубецкой, по первому мужу — Кантемир, как одной из красивейших женщин Петербурга, к тому же, приятной и образованной, и ее муже, оставил, в частности, камер-юнкер Берхгольц, встречавшийся с ними в 1721 г.¹⁵ И. И. Бецкой вполне мог знать об известной царю инициативе митрополита Иова, в 1706 г. основавшего в своей епархии заведение для «подкидышков», которое просуществовало до его кончины в 1716 г. Петр I приказал распространить начинания Иова на всю страну. В именных указах 1712, 1714 и 1715 гг. по примеру новгородского иерарха во всех губерниях светские власти обязаны были в городах при церквях построить госпитали для приема «ззорных младенцев», определить к ним кормилиц и финансировать эти учреждения своими силами. В конце царствования император попытался создать комплексную систему призрения детей, которая включала бы в себя их содержание и обучение. В одном из указов 1724 г. предписывалось направлять подкидышей «различным художествам в ученики», в другом для содержания и призрения сирот выделялась часть монастырей¹⁶. Трудно представить, чтобы до заинтересованного человека не дошли хотя бы отголоски этих стремлений Петра, большей частью не реализованных.

В 1728–1738 гг. И. И. Бецкой, как известно, проживал в Москве и служил адъютантом своего отца. Несмотря на то, что фельдмаршал не был обременен серьезными служебными обязанностями, он явно был в курсе того, что происходило в стране и в городе, на несколько лет вернувшем себе звание столицы. Не случайно его внебрачный сын в качестве рядового дворянина принял участие в противостоянии верховникам. Вряд ли любознательному майору, флигель-адъютанту, а с сентября 1733 г. генерал-адъютанту фельдмаршала, который в 1730 г., после воцарения Анны Иоанновны, стал сенатором и членом военной коллегии, слож-

но было получить информацию о том, в каком состоянии находилось в Москве дело призрения сирот. Данные, кропотливо собранные Р. Е. Азизбаевой, свидетельствуют, что в Москве в 1715–1730 гг. под началом губернской канцелярии действовала система содержания, обучения и определения судеб выросших питомцев. Детей раздавали кормилицам, фактически состоявшим на государственной службе и проживавшим в разных районах города, причем масштабы заведения были весьма значительными и в 1723 г. достигли максимального значения — в нем участвовали 882 ребенка и 218 женщин. С 1724 г., согласно петровскому указу, действовали сиротские заведения при Новодевичьем и Андреевском монастырях, и масштабы светского призрения сократились. В 1724 г. началось обучение детей грамоте¹⁷. И. И. Бецкой находился в Москве, когда в 1730–1731 гг. указами Анны Иоанновны система призрения была изменена. Московские детские монастырские заведения были закрыты, резко сократилась численность питомцев и кормилиц при них, а внимание губернской канцелярии сосредоточилось только на содержании мальчиков, направленных на учебу в гарнизонные школы. В московский период жизни И. И. Бецкого вышел и сенатский указ 1737 г. Он принял постановление, по которому вся полнота призрения внебрачных детей и сирот сосредотачивалась исключительно в руках губернской канцелярии. На основе этого и сформировался особый механизм, позволивший процессу призрения «зазорных младенцев» действовать несколько последующих десятилетий, когда под надзором Московской губернской канцелярии в 1742–1751 гг. находилось от 30 до 50 детей, а численность женщин при них не превышала 10 человек. В Петербурге сироты содержались в богадельне вместе со взрослыми призреваемыми¹⁸.

Трудно собрать какие-либо сведения об окружении И. И. Бецкого юношеского заграничного и московского периодов. Его отец, судя по сохранившимся о нем сведениям, не отличался особенным умом и образованием, но он дал хорошее образование сыну и стремился обеспечить его. Кн. И. Ю. Трубецкой фиктивно продал И. И. Бецкому часть своих имений, а фактически, очевидно, подарил их ему. Еще П. М. Майков обратил внимание, что, проживая в Москве, И. И. Бецкой иногда посещал А. Д. Кантемира в его подмосковном имении Черная Грязь, о чем сам вспоминал в одном из писем Екатерине II в 1775 г.: «Мне хорошо известна Черная Грязь, как часть имущества, принадлежавшего принцессе Гессенской; я там часто бывал; это одно из самых красивых подмосковных имений, в верстах семи от Москвы. Князь Кантемир (я говорю о старике) жил тут; всякое утро он ездил в Сенат и возвращался домой к обеду»¹⁹. А. Д. Кантемир (1708–1744) состоял в родстве с И. И. Бецким — он приходился старшим сводным братом его племяннице Е. Д. Кантемир, в замужестве Голицыной. В 1729 г., когда И. И. Бецкой находился в Москве, поэт написал знаменитую сатиру «На хулящих учения. К уму своему». В примечаниях к стихотворению автор сам рассказывал, что сатира стала известна Феофану Прокоповичу, который «ее везде с похвалами стихотворцу рассеял», приложил «похвальные сочинителю стихи и в дар к нему прислал книгу «Гиралдия о богах и стихотворцах». Феофан, создавший при своем доме одну из интереснейших в то время в России школ, принял молодого поэта в свою «Ученую дружину». С А. Д. Кантемиром И. И. Бецкой, вероятно, мог не только поговорить о просвещении вообще, но и узнать об организации петербургской школы Феофана. Интересно, что отношения А. Д. Кантемира и его сестры с мачехой, по сведениям его биографа, были не особенно дружелюбными²⁰, а значит, И. И. Бецкой, тем более, должен был иметь серьезные причины для того, чтобы общаться с пасынком любимой сестры.

В 1732 г. А. Д. Кантемир был назначен послом в Англию, а в 1738 г. переведен в той же должности во Францию, и завязалась одна из ниточек, связывавших И. И. Бецкого с Западной Европой. В 1743 г. А. Д. Кантемир писал ему из Парижа. Правда, два письма А. Д. Кантемира И. И. Бецкому содержат лишь рекомендации одному из служащих князя, отправившемуся к петербургскому двору²¹, но они свидетельствуют о существовании контактов между ними. Как отметил П. М. Майков, А. Д. Кантемир вполне мог «повлиять на направление умственного развития И. И. Бецкого и главный характер его деятельности»²².

В Париже А. Д. Кантемир написал свою седьмую сатиру «К князю Никите Юрьевичу Трубецкому. О воспитании». Сатира была посвящена дяде И. И. Бецкого и, как отмечали исследователи творчества А. Д. Кантемира, излагала идеи, которые «потом, слишком через двадцать лет, нашли у нас применение в воспитательной системе Бецкого»²³. Вслед за Д. Локком автор в собственноручных примечаниях утверждал, что «главная причина злых и добрых наших дел — воспитание». В самом произведении он называл «первые младенчества лета» временем, когда можно унять склонность к злу и утвердиться в добре. «Добродетель» следовало

внушать до тех пор, пока она совершенно не «вкоренится», при этом следовало «ум изоцрять в пристойных им и других знаниях». А. Д. Кантемир заявлял, что «ласковость больше в один час детей исправит, чем суровость целый год» и решительно выступил против телесных наказаний. В деле воспитания, по его мнению, была важна роль примера. Сам автор, критикуя окружавшее его дворянство, привел ряд отрицательных примеров. По его мнению, если вырос пьяница, то пьяницей был «сродник», у распутника «дядька был сводник», у лгуна — бабушка лгунья, а мать кокетки обычно сама кокетка. А. Д. Кантемир также был уверен, что пороки среды от детей нужно скрывать. Когда хозяин ждет гостей, его слуги чистят его дом и двор, и «младенцев глаз» также следовало поберечь от всякой грязи. Едва ли можно признать случайным, что программа А. Д. Кантемира действительно почти полностью совпадала с последующей программой И. И. Бецкого, повторяю, если учесть, что они были родственниками, интересовались друг другом, встречались и переписывались. Единственное отличие, отмеченное еще в XIX в., состояло в том, что А. Д. Кантемир придавал гораздо большее значение знаниям и науке в процессе воспитания²⁴.

Следует отметить, что ближайшие родственницы И. И. Бецкого — его сводная сестра А. И. Кантемир (1700–1755), по второму мужу — принцесса Гессен-Гомбургская и ее дочь от первого брака Е. Д. Кантемир (1720–1761), в замужестве кн. Голицына, в воспитании которой он принимал большое участие, имели склонность к благотворительности. П. М. Майков утверждал, что А. И. Гессен-Гомбургская последние годы жизни провела в Петербурге, «отдавшись вполне благотворительности»²⁵. И мать, и дочь по завещаниям выделили значительные суммы на благотворительные цели. Сестра и племянница И. И. Бецкого скончались за несколько лет до начала реализации его планов, а значит, вполне возможно, что в семье велись разговоры о создании в России благотворительных учреждений. Кн. Д. М. Голицын, оставшийся вдовцом после кончины Екатерины Дмитриевны, более 30 лет прослужил российским послом в Вене и прославился широкой благотворительностью, как в Вене, так и в Москве. Он станет и попечителем воспитательного дома. И. И. Бецкой проводил в обществе племянницы и ее мужа немало времени, путешествуя по Европе и возвращаясь в Париж, где супруги с 1756 по 1761 г. держали открытый дом, заинтересовав собой высшее общество и двор²⁶. Нельзя исключить, что И. И. Бецкой был знаком и с кн. Д. А. Голицыным, родственником Д. М. Голицына, известным ученым и просветителем.

При дворе Елизаветы И. И. Бецкой, как уже отмечалось, близко познакомился с наследником престола и его женой. Можно согласиться с П. М. Майковым, что, «владея хорошо французским и немецким языками и немало уже видевший в ранней молодости, Бецкой мог и в то время быть интересным собеседником для великой княгини, обратившей тогда на него свое внимание, предпочтительно перед прочими лицами великокняжеского двора»²⁷. Среди прочих тем могли обсуждаться и проблемы образования, воспитания, благотворительности. При дворе Елизаветы И. И. Бецкой познакомился и со своим будущим заочным сотрудником, а в начале ее царствования придворным лейб-медиком Р. Санхесом (Саншесом, Санчесом). По указу, подписанному Елизаветой в декабре 1742 г., доктор Р. Санхес, как и другие проживавшие в России евреи, был выслан из России и обосновался в Париже²⁸. После открытия воспитательного дома именно к нему, как к авторитетному специалисту, обратился за помощью главный попечитель, встревоженный высочайшей детской смертностью. При дворе знали Р. Санхеса как хорошего врача. Екатерина II в своих записках называет его одним из двух медиков, спасших ей жизнь во время тяжелой болезни вскоре после приезда в Россию. Судя по многочисленным ссылкам на беседы с врачом, попавшим в проекты И. И. Бецкого, ему не раз приходилось разговаривать с этим интересным собеседником о гигиенических проблемах сохранения и развития детей и в России, и позднее во Франции.

Таким образом, думается, что страны Западной Европы в середине XVIII столетия обстоятельно объезжал не просто робкий ученик, опальный придворный, не знающий, чем себя занять, попутно перенимающий новые педагогические и гуманистические идеи. Скорее всего, интерес нашего героя к проблемам «несчастнорожденных» детей связан с его собственным происхождением и кроется глубоко в его неизвестном нам детстве и почти неизвестной юности. Судя по тому, как И. И. Бецкой целенаправленно посещал в разных странах учебно-воспитательные заведения для сирот, он не мог не интересоваться организацией этого дела в России и знал, что начинания митрополита Иова и Петра I не получили широкого развития. Они нуждались в новом импульсе, на новой основе. Интерес к проблемам просвещения и бла-

готворительности в разной степени проявляли родные и близкие И. И. Бецкого, окружавшие его как в России, так и за границей: А. И. Гессен-Гомбургская, А. Д. Кантемир, Е. Д. Голицына, Д. М. Голицын. Представляется, что знакомство с педагогическими и идеями Просвещения было обусловлено не только модой на них в тогдашних европейских салонах, в первую очередь, парижских, но и потребностью И. И. Бецкого. Возможность реализации своих идей он, вероятно, мог связывать с восшествием на престол нового императора, европейца по происхождению, и его супруги. «Теперь он поехал не покататься по Европе, а пожить в ней, ехал с большим запасом интереса к особенностям западной культуры и, можно думать, с достаточно определившимися уже умственными наклонностями и житейскими взглядами», — утверждал А. А. Кизеветтер²⁹.

Примечания

1. Майков П. М. Иван Иванович Бецкой. Опыт его биографии. СПб., 1904.
2. Лаппо-Данилевский А. С. И. И. Бецкой и его система воспитания. СПб., 1904. С. 4.
3. Майков П. М. Указ. соч. С. 5.
4. Кизеветтер А. А. Один из реформаторов русской школы // Исторические очерки. М., 1912. С. 123
5. Майков П. М. Указ. соч. Прил. С. 2.
6. Нащокин В. А. Записки. СПб., 1842. С. 95.
7. ПСЗ. Т. 17. № 12741.
8. Майков П. М. Указ. соч. С. 16–21.
9. Нащокин В. А. Указ. соч. С. 95–96.
10. Екатерина II. Записки. СПб., 1907. С. 43, 63, 389; Письма Екатерины II к барону Гриму // Русский архив. 1878. Кн. 3. С. 209.
11. Архив кн. Воронцова. Кн. 33. М., 1887. С. 92.
12. Екатерина II. Записки. С. 389–390; Майков П. М. Указ. соч. С. 24; Кизеветтер А. А. Исторические очерки. С. 125.
13. Майков П. М. Указ. соч. С. 14.
14. П. А. Демидов // Русский архив. 1873. Т. 2. № 11. Стлбц. 2243.
15. Дневник камер-юнкера Берхгольца. Изд. 2. М., 1858. С. 93, 101–102.
16. Азизбаева Р. Е. Новгородский митрополит Иов — начало государственного детского призрения в России // Прошлое Новгорода и Новгородской земли: Материалы научной конференции. Ч. 2. Великий Новгород, 2002. С. 14–16.
17. Ее же. Призрение незаконнорожденных детей в Москве в первой четверти XVIII века // Столичные и периферийные города Руси и России в средние века и раннее новое время (XI–XVIII вв.): Доклады Второй научной конференции. М., 2001. С. 140–145.
18. Ее же. Призрение сирот и незаконнорожденных в России XVIII века: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2003. С. 20–21, 26.
19. Письма И. И. Бецкого к императрице Екатерине Второй / Сообщил П. М. Майков // Русская старина. 1896. Т. 88. № 11. С. 409.
20. Сементковский Р. И. А. Д. Кантемир. Его жизнь и литературная деятельность. СПб., 1893. С. 36.
21. Майков Л. Н. Материалы для биографии кн. А. Д. Кантемира. СПб., 1903. С. 179, 187–188.
22. Кантемир А. Д. Сочинения, письма и избранные переводы. СПб., 1867. С. 9–31; Майков П. М. Указ. соч. С. 17, 28.
23. Стоюнин В. Я. Вступительная статья // Кантемир А. Д. Указ. соч. С. СII; Сементковский Р. И. Указ. соч. С. 84.
24. Кантемир А. Д. Указ. соч. С. 150–158, СII.
25. Майков П. М. Указ. соч. С. 30.
26. Чулков Н. Е. Д. Голицына // РБС. Т. Гоголь — Гюне. М., 2001. С. 215; [Александрович Е. М.] Д. М. Голицын // РБС. Т. Гоголь — Гюне. М., 2001. С. 168.
27. Майков П. М. Указ. соч. С. 22.
28. Анисимов Е. В. Елизавета Петровна. М., 2005. С. 112.
29. Кизеветтер А. А. Исторические очерки. С. 125.